

Трагедия демократии

О парадоксах перевоплощения тоталитарных идей

© Гаджиев К. С.

© Gadzhiev K.

Трагедия демократии. О парадоксах перевоплощения тоталитарных идей Tragedy of democracy. Paradoxes of totalitarian ideas transformation

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые наиболее интересные тенденции в современной западной общественной жизни и идейно-политической мысли. Главное внимание концентрируется на таком парадоксальном на первый взгляд феномене, как своеобразное перевоплощение ряда основополагающих идей политической демократии на путях дрейфа в сторону неототалитаризма.

Annotation. The article attempts to identify and analyze some of the most interesting trends in contemporary Western society and ideal-political thought. The main attention is focused on this paradoxical at first glance, the phenomenon of a kind of some fundamental democratic ideas reincarnation in the ways of the drift towards neo-totalitarianism.

Ключевые слова. Идея демократии, демократия, права человека, свобода, тоталитаризм, неототалитаризм, неогуманизм, сексуальность, нетрадиционная ориентация и др.

Key words. The idea of democracy, democracy, human rights, freedom, thoth-tarizm, neo-totalitarianism, neo-humanism, sexuality, homosexual etc.

Мировой опыт последних десятилетий свидетельствует о преждевременности разговоров о том, будто в современном мире стали реликтом истории, канули в Лету тоталитарный тип менталитета и его носители. В условиях атомизации общества, ослабления уз, связывающих людей, растет их стремление к обретению твердой жизненной опоры в своем этносе, нации, разного рода неформальных сообществах, группах, сектах, к «сильной руке». Как отмечала Х. Арендт, «тоталитарные решения могут спокойно пережить падение тоталитарных режимов, превратившись в сильный соблазн, который будет возобновляться всякий раз, когда покажется невозможным смягчить политические и социальные проблемы или ослабить экономические страдания способом, достойным человека» [1. С. 241].

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажуудинович — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук.

* * *

В свое время идеологи тоталитаризма объявляли все ценности, идеи и принципы неверными, если те хоть в чем-то не совпадали с их собственными установками. Такая парадигма основывалась на отрицании комплекса ценностей, правил игры, отношений и институтов политической демократии, конституционализма, парламентаризма, разделения власти, прав человека и др. В наши дни среди определенной части западной политической и интеллектуальной элиты наблюдается тенденция придать весьма узкому комплексу своеобразно толкуемых либеральных идей и принципов статус единственно верного учения, одинаково пригодного для всех времен и народов. Все они концентрируются вокруг прав и свобод человека, демократии и рыночной экономики.

Существует мнение, что демократия может быть тоталитарной или авторитарной. На первый взгляд это представление может показаться явным недоразумением, вызванным подменой понятий. Если рассматривать их с точки зрения форм власти, то очевидно, что при внешней схожести отдельных атрибутов (например, наличие института выборов) тоталитаризм (или авторитаризм) и демократия по ключевым системообразующим принципам представляют собой прямо противоположные формы политической самоорганизации общества и властной системы.

Однако тенденции трансформации ведущих течений общественно-политической мысли и политических реалий современного Запада дают основания для утверждения, что границы между этими формами политической самоорганизации народов размываются.

Рассматривая на примере американской демократии возможности «тирании большинства», известный французский общественный деятель и историк XIX в. А. де Токвиль, конечно, не мог предвидеть, что в условиях индустриального и постиндустриального обществ, глобализации и информационно-телекоммуникационной революции большинство приобретет иные формы и содержание, чем в его время. Можно утверждать, что это большинство, которое, согласно ценностям и принципам политической демократии, определяет основные направления политики государства, плюралистично по своей сути. Оно состоит из множества не только сообществ, коллективов, групп приверженцев действительно либеральных, консервативных, социал-демократических, марксистских ценностей, идей, установок, правил игры в традиционном их понимании, но и тех сетевых группировок, которые, с теми или иными оговорками, можно рассматривать как склонных к принятию, пропаганде и навязыванию обществу ценностей, принципов, отношений тоталитарной ориентации.

Речь, идет, к примеру, об американских неоконсерваторах второй волны (неоконах), «эбдоистах» — сотрудниках и симпатизантах скандально известного французского журнала «Шарли эбдо». А также о различных радикалистских группировках так называемых неогуманистов либертариистского толка, отдельных сообществах лиц нетрадиционной сексу-

альной ориентации, агрессивно навязывающих обществу свои взгляды, и др. В них сочетаются крайний, экстремальный гуманизм, замешанный на радикальном индивидуализме и либертаризме, ориентированный на трактовку идей демократии, прав и свобод человека в тоталитарном духе.

Традиционные типы тоталитаризма основывались на навязывании определенного комплекса ценностей, установок, принципов, стереотипов поведения и т. д. по вертикали сверху вниз принудительно, средствами идеолого-пропагандистского манипулирования. В наши дни они формируются спонтанно — как бы по горизонтали.

В современной версии тоталитаризма речь идет именно о «мягком» средстве насилия. В век информатики, особенно Интернета, власть над умами людей в значительной степени перешла к новой касте творцов информации, новых мифов, смыслов, образов, имиджей, стилей жизни, стереотипов поведения.

Прежние тоталитарные режимы для достижения поставленных целей слишком часто в качестве *prima ratio* (т. е. первого аргумента) предпочитали использовать насилие и террор. Они могут быть не только физическими, но также морально-этическими, информационно-пропагандистскими, идеологическими и т. д. В современной версии тоталитаризма речь идет именно об этом «мягком» средстве насилия. В век информатики, особенно Интернета, власть над умами людей в значительной степени перешла к новой касте творцов информации, новых мифов, смыслов, образов, имиджей, стилей жизни, стереотипов поведения. Их усилиями знаменитая формула английского философа XVI—XVII вв. Ф. Бэкона «знание — сила» получила новое звучание и содержание в форме «информация — сила, могущество и власть». Как показывает опыт мировой истории, на высшей точке взлета и постепенного перехода цивилизации на наклонную, ведущую вниз линию вырождение начинается с «верхов», с представителей так называемого цвета нации, интеллектуальной и других подразделений элиты.

С этой точки зрения немаловажное значение имеет тенденция, с одной стороны, к демократизации, заземлению морально-этических установок «верхов», а с другой стороны, к беспрецедентному повышению образовательного уровня широчайших народных масс, которые по этому показателю, потребностям, умонастроениям приближаются к «цвету нации». Одним из результатов таких процессов стало то, что американский публицист индийского происхождения Ф. Закариа назвал «само-

убийством элит»: «Прежние элиты представляли собой закрытый круг и основывались на родословной, родстве и этнической близости... Они ощущали большую социальную ответственность, в том числе и потому, что их статус был незыблем. Новые элиты действуют в гораздо более открытом и конкурентном мире... Их интересы не простираются далеко и оказываются ограниченными, их горизонтом становится не отдаленное будущее, а непосредственное завтра» [12. Р. 228].

Одним из проявлений такой тенденции можно считать тот факт, что формирующееся в среде «верхов» стремление к освобождению от тех сковывающих человека уз традиции, духовных преград, которые дисциплинируют личность и сдерживают эгоистические порывы, постепенно передается на средние и нижние уровни общества. Этим, по-видимому, во многом объясняется то, что некая особа королевской масти в представлении миллионов людей не только Туманного Альбиона, но и многих других стран современного мира стала объектом поклонения и любви. Ее «заслуга» состояла в том, что, став членом королевской семьи, которую принято считать самой строгой с точки зрения приверженности традиционным ценностям и нормам, она публично объявила о своих внесемейных интимных связях, восстав против строгости и морали традиционной, тем более королевской семьи. Как отмечает А. Карпов, «будучи по рождению аристократкой (графиней), Диана Спенсер вела себя так “раскованно”, что плебеи признали ее своей. Поэтому ее и нарекли “народной принцессой”. Она стала новой Эвой Перон, только та вышла из грязи в князи, а эта — сошла из князи в грязь... Это была доблесть разрушения института ранга и сословности, вклад в дело всеобщей уравниловки». «Ответив на увлечение мужа моментальной встречной изменой, Диана провозгласила этим симметричность мужчины и женщины — идею гораздо более богопротивную, чем их равноправие. Под равноправием имеется в виду равенство перед законом, здесь же постулируется их эквивалентность как биологических и нравственных единиц» [5].

Этот феномен может служить свидетельством превратной реализации девиза Великой французской революции: «Свобода. Равенство. Братство». В этом смысле всю касту теле- и кинознаменитостей и шоу-бизнеса, нынешних «звезд» можно рассматривать как неотъемлемую составляющую нового цивилизованного большинства. Такого рода творцы новых мифов, ценностей, смыслов, установок обеспечивают идеологию этого большинства, условия для его воспроизводства, расширения, респектабилизации его статуса и т. д. Они выступают в роли коллективного разрушителя устоев, движителя революций, бунтов, восстаний и т. п. под личиной благодетелей человечества, приносящего всем народам демократию, рыночную экономику, защиту прав человека и т. д., приправленных либертарным рыночно-демократическим фундаментализмом.

* * *

Как установлено социально-психологическими исследованиями, процесс идентификации, утверждения конформизма и одномерного

взгляда на вещи облегчается у лиц, не уверенных в себе, испытывающих комплекс неполноценности, не имеющих твердой опоры. Отождествление себя с сильным, авторитетным человеком, группой, организацией придает им недостающую уверенность. Оторванность от корней, глубины, отсутствие или нехватка ощущения твердости бытия делают легкими все движения и повороты в поведении и действиях людей. Здесь наглядно проявляется широко известный феномен бегства от свободы.

В век сначала урбанизации и индустриализации, а затем интернационализации, глобализации и универсализации важнейших сфер общественной жизни, наступления космополиса и мультимедий, массовых миграций неуклонно и безжалостно разрушаются устои, на которых жили многие твердыни привычного в течение многих поколений жизнеустройства. Ныне этот аспект приобретает особую значимость, поскольку мировые реалии бросают вызов национальной, социокультурной, государственно-политической идентичности как каждого отдельно взятого народа, так и отдельного индивида.

Глобализация имеет своей оборотной стороной возрождение национализма, различных форм фундаментализма, племенных, клановых, местнических и иных приверженностей. Все более возрастающее значение приобретает массовая культура. В самых разных проявлениях она стала неотъемлемой частью повседневной жизни народов современного мира. Проникая во все сферы общественной жизни, она формирует единое семиотическое пространство, генерирует единую для тех или иных сообществ, групп, коллективов социальную мифологию, предельно упрощающую систему ценностных ориентаций человека, многообразие оттенков его миропонимания. Для массовой культуры характерны такие установки, как ориентированность на гомогенизацию аудитории, стимулирование эмоциональных, иррациональных, коллективных побуждений, общедоступность, серийность, занимательность и т. д. В результате размываются линии разграничения между высоким и низким, элитарным и массовым, интеллектуальным и антиинтеллектуальным, серьезным и несерьезным, прогрессивным и ретроградным.

Одним из предназначений такой культуры, рассчитанной на «человека с улицы», стало предоставление массы возможностей «убивать время», получая при этом психологическое расслабление и наслаждение. Этот феномен ярко проявляется на стадионах во время футбольных матчей, концертов так называемых звезд эстрады, патриотических парадов, паломничества в так называемые святые места и т. д. и т. п.

Современное общество невозможно представить себе без массовой культуры — как Древний Рим невозможно представить без Колизея и боев гладиаторов, которые служили практическим воплощением формулы «*panem et circences*» («хлеба и зрелищ»). Представители Франкфуртской школы Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др. справедливо утверждали, что массовая культура формирует у ее потребителей конформизм и инфантилизм, что позволяет манипулировать их сознанием. Ее можно рассматривать как инструмент тотализации, универсали-

зации и космополитизации принципа «panem et circenses», обеспечения его агрессивности и экспансионизма.

Здесь можно согласиться с О. Хаксли, который полагал, что управление с помощью развлечений куда эффективнее насилия, что люди слишком близоруки и склонны к самоодурманиванию, что правда просто утонет в море информационного мусора. Ключевую роль с этой точки зрения играют информатизация и компьютеризация, которые предоставляют беспрецедентные возможности для контроля над сознанием и поведением людей, делают технически возможными систематическую идеологическую индоктринизацию, тотальное «промывание мозгов».

Особенность и качественное отличие этих тенденций, установок, принципов, в совокупности обеспечивающих основу нового феномена, который можно назвать неототалитаризмом, от традиционного тоталитаризма состоит в том, что он основан не на подавлении, а, на первый взгляд, на всемерном поощрении свободы. По мнению Дж. Оруэлла, залогом успеха тоталитарного государства является тотальный контроль над информацией. Как отмечал американский актер П. Хубер, персональный компьютер, подключенный к Интернету, представляет собой аналог оруэлловского телекрана, передающего информацию Старшему брату.

В наши дни этот «телекран» обеспечивает не централизацию, а наоборот — демократизацию и фрагментацию доступа к информации и, соответственно, беспрецедентное расширение поля и пределов свободы, но не всегда и не обязательно действительных прав человека.

Сейчас не обязательно контролировать поведение каждого отдельно взятого человека. Не нужна официальная цензура. Более того, допускается свобода мнений, поощряются вседозволенность и крайний индивидуализм в интеллектуальной и художественной сферах. Однако приспособление к новым условиям сопряжено с неизбежным ужесточением правил игры, т. е. прежде всего — правовых норм поведения и всего жизненного уклада как отдельно взятых личностей, так и групп, коллективов, сообществ, институтов и т. д. Получается, что любые внешние ограничения только усиливают стремление освободиться от них.

Новейшие формы «одиночества в толпе» порождают в конечном счете протест и отрицание, пафос «прав и свобод». В ажиотаже переоценки всех ценностей традиционные нравственные устои, столь важные для западной (да и не только) цивилизации, по сути дела, предлагается выкинуть на свалку истории. Здесь в своеобразной форме проявляются устремления «бунтующего человека», о которых говорил А. Камю. Это тип человека-нонконформиста, протестанта, революционера, ориентированного на разрушение устоев, отрицание общепринятых норм и правил поведения. Речь идет о стремлении к отказу от установившихся в обществе ограничений, запретов, табу. Предлагаемая людьми такого типа альтернатива — отказ от традиционной нравственности, эгоизм, крайний индивидуализм, установка на исполнение исключительно своих собственных желаний и прихотей, отстаиваемых и воспроизводимых в рамках коллективных действий так называемых нетрадиционных

меньшинств, что оборачивается голым нигилизмом. Эти процессы и тенденции создают почву для формирования и консолидации специфических коллективов и сообществ с особыми комплексами ценностей, отношений, установок.

Социально-философским основанием подобных тенденций служат постмодернизм и неогуманизм. Существенную лепту в этом направлении внесли представители вышеупомянутой Франкфуртской школы, разработавшие так называемую критическую теорию. Они подвергли в ней уничижительной критике основополагающие ценности и принципы западной христианской цивилизации: власть, семью, традиции, патриотизм, консерватизм, нормы половых отношений и др. Острие критики было направлено, прежде всего, против традиционной семьи во главе с мужчиной-отцом, которая рассматривалась как «авторитарное государство в миниатюре», где «семейный империализм воспроизводит империализм национальный».

Другими словами, в семье они видели не просто неравенство полов, а политическое неравенство. Более того, один из отцов-основателей этой школы Т. Адорно объявил патриархальную семью «колыбелью фашизма». Отталкиваясь от этого, была объявлена «сексуальная революция», призванная, как утверждал другой представитель той же школы Г. Маркузе в книге «Эрос и цивилизация», реализовать «принцип удовольствия», выдвигаемый в качестве главного начала жизни. В контексте развернувшейся во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг. «сексуальной революции» Г. Маркузе превратился в «культовую фигуру» для молодежи. Справедливости ради следует отметить, что позже сам он отказался от слишком нигилистических положений своей концепции.

Представители этих течений общественно-политической мысли и идеологии, как и вожди и приверженцы традиционного тоталитаризма, ориентированы на *формирование человека нового типа*. Известно правило, согласно которому нет преступления, если нет закона. В то же время мы знаем, что в обществе разрешено делать все, что не запрещено законом. При тоталитаризме именно путем принятия жестких законов всемерно ограничивали всякие проявления свободы. Особенность нынешних тоталитарных и неототалитарных сект состоит, наоборот, в стремлении снять всевозможные табу. Позиция традиционного левого тоталитаризма «отмирание государства — через его укрепление» у нынешних версий тоталитаризма заменяется лозунгом отрицания государства через тотальную «свободу».

Инакомыслие, критика существующих порядков превращаются в ключевые составляющие идеологии, приобретающей всевозрастающее влияние. Признаются правомерность и даже необходимость самых еретических идей, которые, впрочем, быстро становятся повседневностью и даже модой. К примеру, позитивное отношение к объединениям нетрадиционных сексуальных сообществ, защита их прав и свобод стали чуть ли не главным маркером приверженности западным ценностям.

Как отмечал американский политолог левой ориентации М. Уолцер, «либеральная культура впитала в себя критику, сделав ее чем-то интере-

сным, даже приятно возбуждающим; она стала... формой развлечения. Сократ превращается в героя телевизионных ток-шоу; более респектабельный и дистанцированный от толпы Платон занимает кафедру престижного университета. Разгневанный критик-одиночка бьется головой о резиновую стену. В качестве реакции на свою критику он встречает невероятную терпимость, тогда как предпочел бы сопротивление» [8. С. 38—39]. Понимаемая в либертариистском толковании свобода слова, мысли и действия в буквальном смысле навязывается каждому человеку.

При этом обнаруживается, что либертариистски понимаемая свобода оказывается сопряжена с определенными изъянами: ее можно приручить и оседлать, поставить на службу защиты и пропаганды определенной формы самоорганизации народов, соответствующего комплекса ценностей и образа жизни. В связи с этим представляется интересным наблюдение одного из известных американских журналистов начала XX в., лауреата Пулитцеровской премии Г. Кроули: «Свобода мнений, которой мы (американцы. — К. Г.) гордимся, большей частью состояла в провозглашении приемлемых общепринятых мнений с такой вызывающей убежденностью, как будто мы провозглашаем самую дерзкую и возвеличенную ересь... Но его (американца. — К. Г.) действительно фундаментальные убеждения ограничены рамками общепринятых мнений, стандартов и стереотипов... Когда американец громкогласно провозглашает свою веру, он во многом напоминает буйвола, который, вырвавшись из стойла, с фырканьем носится вокруг скотного двора, при этом кидаясь на всех в пределах досягаемости своих рогов. Так, приводимый в пример буйвол вполне может считать, что он предлагает миру самое лучшее проявление агрессивной индивидуальности, в то время как в действительности он ведет себя так же, как все буйволы с начала своего приручения» [11. С. 420—421].

Очевидно, что человек неогуманистического типа формируется на негативно понимаемой свободе, предполагающей избавление от внешних ограничений. Без этого, по мнению адептов данной идеи, невозможна самореализация, полнота самовыражения человека. Любое действие или поведение человека не возбраняется, если оно не направлено на нарушение свободы других людей.

Право на самореализацию каждого отдельно взятого человека не должно ограничивать такое же право другого человека. Нельзя навязывать ценности, установки, позиции одних групп другим — хотя такая установка сплошь и рядом игнорируется представителями самих новых коллективов и сообществ. Поскольку запрещается принуждение, а не вовлечение другого, разрешается пропаганда любых ценностей, воззрений, установок. В теории осуждается любая критика воззрений, с которыми ты не согласен. Как не без оснований отмечает А. Карпов, «новый человек сам составляет *собственный набор ценностей*, включая туда только то, что ему кажется ценностью в настоящий момент... Нравственность становится лишь личным, персональным выбором каждого индивида». Причем, «нравственная свобода, в первую очередь, интерпретируется как *свобода сексуальная*. Любая сексуальная ориентация

признается допустимой. Каждый решает сам, какого он пола (независимо от физиологии, полученной при рождении). Каждый решает сам, каким образом ему получать сексуальное удовольствие. Главное, чтобы при этом не было насилия над другим индивидом» [3].

В традиционном либерализме, не говоря о консерватизме, чуть ли не как сакральная максима рассматривалась неприкосновенность частной жизни, куда категорически запрещено какое бы то ни было внешнее вмешательство. В новой версии тоталитаризма выставление на публику через средства массовой информации нижнего белья так называемых знаменитостей (celebrities) стало неотъемлемой частью шоу-бизнеса.

На скрижалях этой «религии» наряду с другими ценностями выгравированы обоснование, пропаганда и даже навязывание ценностей, норм, установок, отношений разного рода нетрадиционных форм сексуальной ориентации как составляющих всего современного западного образа жизни. Эти ценности рассматриваются как некий эталон соблюдения прав и свобод человека. В этом направлении большое число исторических и современных героев и персонажей (от Александра Македонского, Леонардо да Винчи и П. Чайковского до множества современных селебритиз из мира политики и шоу-бизнеса) причисляется к сонму представителей нетрадиционной ориентации (причем не важно, соответствует в действительности тот или иной из них приписываемому им статусу).

Согласно традиционным ценностям и верованиям, сама сексуальность затрагивает сферу духовного и даже сакрального. Это одна из самых интимных сторон жизни людей, куда должен быть закрыт доступ каким бы то ни было посторонним лицам. Отношения в этой сфере регулируются как законами, так и духовными, религиозными, морально-этическими нормами и правилами. Важно напомнить, что истинная любовь в том смысле, в каком она понимается в качестве одной из ключевых проявлений взаимосвязи между полами, отнюдь не ограничивается сексом и сексуальностью — чисто биологическими и физиологическими началами. У представителей неогуманизма же сексуальность приобретает статус ключевой составляющей личностного начала человека.

Именно в ней, по их мнению, проявляются его природные задатки. Поэтому каждый отдельно взятый человек должен обнаружить свою сексуальную ориентацию и, соответственно, заявить о своих сексуальных правах, требуя от общества соблюдать и защищать эти права. В результате границы, отделяющие «приватное» от «публичного», становятся все более размытыми и неопределенными. Не случайно выражение «ты смотришься очень сексу» стало высшей похвалой для многих представителей как мужского, так и женского полов. В сознании наиболее «продвинутой» части населения размываются, элиминируются биологические различия между полами, что приводит к феминизации мужчин и маскулинизации женщин.

Процесс создания человека нового типа начинается с дошкольного возраста и продолжается в школе, где ребенок должен осваивать азы самовыражения. Одна из ключевых задач школы — сексуальное просвеще-

ние ребенка, его обучение умению самовыражаться через сексуальное поведение, выбор сексуальной ориентации. Воспитание и образование, получаемые ребенком в школе, недостаточны, поскольку значительное время он проводит вне школы — в семье, которая может стать препятствием на пути формирования нового человека. Для преодоления такого препятствия в действие вступает ювенальная юстиция, призванная контролировать и управлять внутрисемейными отношениями.

Разумеется, общество и государство в тех или иных формах и степени, установленных конституционно-правовыми нормами, обязаны регулировать внутрисемейные отношения, в том числе нормы и правила воспитания детей, подрастающего поколения. Но ювенальная система, доведенная до абсолютной ценности, противоречит ценностям и идеалам политической демократии, как ее понимали отцы-основатели классического либерализма Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, А. Смит, Т. Джефферсон и др. Противоречит она также ценностям и установкам адептов нового или социального либерализма в лице Д. Ллойд-Джорджа, Дж. М. Кейнса, Дж. Джолитти, В. Вильсона, Ф. Рузвельта и др.

Вряд ли есть надобность упоминать здесь множество резонансных случаев изымания детей из вполне благополучных семей, лишения родительских прав по откровенно смехотворным причинам и их передачи так называемым контрактным семьям. Порой, оправдывая подобную практику, чиновники склонны представлять дело таким образом, что дети являются собственностью государства. В связи с этим нельзя не напомнить, что такая практика применялась как в нацистской Германии, так и в первые годы Советской власти в СССР (правда, у нас в стране от этого эксперимента быстро отказались). Возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация: под флером идеи верховенства права в демократическом государстве принимаются и применяются неправовые (или неправозаконные) законы, которые нельзя не назвать тоталитарными по своей сути. Поэтому можно согласиться с мнением президента Чехии М. Земана, который сравнил методы норвежской социальной службы, отнявшей у чешки Э. Михалаковой двоих детей и передавшей их контрактной семье, с практикой нацистской организации *Lebensborn*. Она была основана в гитлеровской Германии в 1935 г. под эгидой рейхсфюрера СС Г. Гимmlера и ставила целью создание специальных «домов матери и ребенка» для подготовки молодых матерей и детей арийской расы [2].

Разумеется, во всех цивилизациях, обществах, империях существовали различные группировки со своими особыми ценностями, интересами, потребностями, в том числе проповедующие нетрадиционные сексуальные ориентации. Но, как правило, в течение всей писаной истории они не ставили под сомнение ценности и институты, лежавшие в основе общественно-политической самоорганизации народов. Речь идет прежде всего о семье как первичной ячейке общества, как союзе мужчины и женщины. Тем самым не ставились под сомнение противоположность и единство мужского и женского начал как незаменимого условия воспроизводства и продолжения рода человеческого, приватность, закрытость семьи от внешнего вмешательства.

Приверженцами неогуманизма с неототалитарным уклоном эти основополагающие ценности рассматриваются как угроза формированию нового человека. Вместо естественной семьи, состоящей из мужчины и женщины и производимых ими детей, приоритет отдается контрактной или патронатной семье, основанной на договорной системе, где все отношения в сфере воспитания детей строго регламентированы.

Долой единство взглядов, да здравствует разномыслие! Соответственно, допускается существование любых убеждений. Поэтому нельзя отдавать предпочтение какой-либо одной системе ценностей. Тем самым создается почва для отрицания общих для всего общества норм. На смену абсолютному подавлению свободы в традиционном тоталитаризме приходит торжество абсолютной свободы в неогуманистической версии тоталитаризма или неототалитаризма.

Толерантность, зачастую выражаемая термином «политкорректность», ставшая ключевой составляющей мифологии прав и свобод человека, демократического мессианизма в целом, доведена до статуса абсолютной ценности, одинаково верной для всех времен и всех без исключения народов. Она превратилась в один из инструментов подтачивания ключевых ценностей, на которых в течение многих столетий зиждилась христианская цивилизация. Трактующая подобным образом политкорректность претерпевает своеобразную инверсию, во все возрастающей степени высвечивая свою оборотную сторону, а именно — неприятие ценностей и культур западных народов, богохульство в отношении чужих верований, богов, пророков, мучеников. При этом категорически отвергается какая бы то ни было критика самих исповедуемых неототалитаристами ценностей, установок, отношений, правил игры, присущих, например, феномену нетрадиционной сексуальной ориентации.

* * *

Постиндустриальная революция, урбанизация, глобализация, информатизация, динамика секуляризации породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли, способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира. Центральное место сейчас занимает тип человека, для которого главным мотивом деятельности, жизненным кредо стало удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний. Это самовлюбленный индивид, который, по удачному выражению американского исследователя С. Даннелса, является «продуктом развития свободы, не корректируемой ответственностью». Такой человек отрицает все, что ограничивает свободу личности; восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т. е. против всего того, что составляет саму ткань любого общества; осуждает само общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он не признает авторитет отца, семьи и традиций. Идеальным для него является гедонистическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей, на службу наслаждений. Именно это, возможно, имел в виду другой американский исследователь П. Бергер,

когда говорил о «повсеместно распространившейся скуке мира без Бога». Нельзя не согласиться с теми авторами, которые называют эти феномены свидетельством прогрессирующего накопления старческих признаков в общественной ткани современного западного мира [10. С. 47—48].

Поскольку потребности постоянно воспроизводятся, люди не могут окончательно удовлетвориться своим положением. Поэтому отнюдь не случайно приверженцы постмодернизма назвали современное западное общество «неудовлетворенным обществом» (*dissatisfied society*). Как писали представители этого течения А. Геллер и Ф. Фехер, это понятие призвано осветить специфику современного западного общества в контексте производства потребностей, их восприятия, распространения и удовлетворения. Современные формы производства, восприятия и распространения потребностей усиливают неудовлетворенность независимо от того, удовлетворяется ли реально или нет та или иная конкретная потребность.

Очевидно, что ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием эрозию и подрыв устойчивого мира традиционных связей, религиозных и политических устоев, общепризнанных духовных ценностей, смешение и стирание границ размежевания социальных групп, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. Во все возрастающей степени обнаруживается тенденция к размыванию неоднородности, полифонии, самобытности культур, богатства их проявлений, к утверждению единых стереотипов, шаблонов, однородности в пределах соответствующих групп и сообществ. В результате понятия «родина», «вера», «семья», «этнос», «нация» теряют свой традиционный смысл. Более того, в условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства. Как отмечал немецкий философ М. Хайдеггер, западная метафизика породила «бездомность, в которой блуждают не только люди, но и само существо человека». Именно исходя из этого постулата, он пришел к выводу, что «бездомность становится судьбой (современного. — К. Г.) мира» [9. С. 206].

Разумеется, немецкий философ имел в виду прежде всего западный мир. Эти процессы и тенденции ведут к выведению на поверхность сублимированных в подсознание человека асоциальных агрессивных, деструктивных, садо-мазохистских и иных побуждений, устремлений, желаний, потребностей, как правило, в нормальном состоянии не проявляющихся или же проявляющихся в слабой форме. С усложнением, модернизацией, космополитизацией, обезличением общества и, соответственно, потерей корней потребность людей в некоем якоря не только не уменьшается, а при определенных условиях может многократно усиливаться. Порождаемые этим подрыв, размывание и ослабление естественных общностей в лице семьи, общины, этноса, нации способствуют выдвиганию на первый план потребностей и стремлений при-

соединиться к разного рода искусственным, фиктивным, виртуальным сообществам — всяческим сектам — как религиозным, так и языческим, организациям поклонников разного рода теле- или иных «звезд», футбольных болельщиков, к фанатским сообществам, руферам, селфистам и пр.

У человека массы теряется внутренняя связь с глубинными мистическими основами бытия. Характерной его особенностью становится тенденция к своеобразному социальному нарциссизму, самовлюбленности и уверенности в своей непогрешимости. Он буквально перестает видеть в реальном воплощении окружающий мир, а для его обозрения, вместо того чтобы смотреть в окно, предпочитает смотреться в зеркало. Этот человек склонен к самообману, нежеланию знать правду о себе и своем окружении, о сущностных характеристиках и возможностях собственного бытия. Зачастую, убегая от правды, люди такого типа могут предаваться всякого рода иллюзиям, оправдывая и облегчая свою жизнь, ища легкие пути и способы самореализации и обретения счастья.

В этом же русле следует рассматривать один из весьма заметных и получающих все более широкое распространение феноменов — эксгибиционизм. Он включает различные формы сексуальной девиации: от простого хвастовства об успехах на сексуальном фронте до обнарождения интимных телес публике и даже публичных половых актов. Речь идет о явной или завуалированной демонстрации человеком или группой своей сексуальности, ярко проявляющейся склонности постоянно находиться в центре внимания окружающих. Зачастую эксгибиционизм — это провокация, рассчитанная на привлечение всеобщего внимания.

Если не родным, то двоюродным братом эксгибиционизма, провоцирующим его, обосновывающим его необходимость, широкое распространение и даже официальный статус, легитимность, выступает институт рейтингов. Они приобрели настолько важное значение и настолько широкое применение, что без них невозможно представить функционирование множества ключевых сфер общественной жизни, включая корпорации, университеты, национальную и мировую экономику, государство и т. д. Ныне буквально все и вся подвергается рейтинговым оценкам — банки, продукты питания, города и страны (по уровню свободы или коррупции), фильмы, актеры, певицы, машины, женщины, фрукты, овощи и пр. В результате каждый поневоле начинает стремиться выглядеть как можно лучше перед окружающими — соседями, широкой публикой, на телеэкране, перед мировым сообществом и т. д.

Все эти факторы способствуют беспрецедентному росту значения субъективной составляющей решений, принимаемых в различных сферах деятельности людей. Так, в сфере экономики рейтинги могут служить инструментом влияния заинтересованных лиц, конкретных корпораций, институтов, организаций, государств. По наблюдениям О. Н. Маслова, рейтинговые агентства — это маяки, которыми нынешняя финансовая элита показывает, куда инвесторам «плыть»: т. е. куда вкладывать свои активы можно, а куда — нельзя [4]. И действительно,

не последнюю роль в решениях инвесторов играет получаемая ими информация об инвестиционном климате в искомой стране или о состоянии конкретного предприятия. Средством доведения такой информации до нужных адресатов служит инвестиционный имидж соответствующего искателя инвестиций.

Поэтому неудивительно, что сегодня развернулась такая нешуточная борьба за рейтинги, а конкуренция за место в них возведена в настоящий фетиш. Наглядное представление о тесной связи феноменов эксгибиционизма и рейтингов можно получить на примере конкурсов красоты, настоящих битв кинокомпаний за «Оскары» и «Золотые глобусы», всевозможных соискателей самых немыслимых премий и т. д. и т. п. Парадокс состоит в том, что рейтинги, которые в значительной степени зависят от симпатий или антипатий рейтингующих агентств к рейтингуемым объектам, стали измерителем престижа и чести государства, нации, народа. Отсюда борьба даже между государствами на международной арене за привлекательный образ или имидж.

Одним из проявлений новых веяний в этой сфере становится распространяющаяся во всемирном масштабе со скоростью степного пожара мода на феномен селфи, который, в свою очередь, можно рассматривать как одно из проявлений эксгибиционизма и нарциссизма, ставшее фирменным знаком человека и общества эпохи информационно-телекоммуникационной революции.

Эти потребности и стремления усиливаются тем фактом, что новейшие тенденции общественно-исторического развития чреваты стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и мирским, добром и злом и т. д. В этом контексте знаменательно звучат слова, вложенные в уста ребенка, в завершении российского фильма «Ночной дозор»: добро, по сути, ничем не лучше, даже хуже зла. Добро — это то же зло, только лицемерно скрывающее свою суть. При выходе в свет этого фильма один из главных инициаторов его создания развил эту идею следующим образом: «Темные — это гораздо более свободные люди, они позволяют себе быть такими, каким хочется. А Светлые — более фрустрированные, у них слишком много обязательств, они чувствуют ответственность... Темные разрешили себе не иметь этих ограничений, они живут для себя, а Светлые выглядят задерганными невротиками, которые пытаются всем сделать хорошо» [6]. Поистине, дьявол, как говорится, коварен — он может явиться к нам просто в образе дьявола.

* * *

Очевидно, что альтернатива фактической детабуизации, предлагаемая ее сторонниками, — это отказ от традиционной нравственности, эгоизм, крайний индивидуализм, установка на исполнение исключительно своих собственных желаний и прихотей. Их отстаивают и воспроизводят в рамках коллективных действий так называемые нетрадиционных меньшинства, что оборачивается голым нигилизмом в отношении традиционных ценностей, их фактической аннигиляцией.

Подобные тенденции и феномены, возможно, представляют для стабильности в мире и для его перспектив даже большую опасность, чем Бен Ладен и его сторонники, поскольку речь идет о вторжении в ценностные системы, подогревающим расовую и религиозную ненависть. Здесь важно учесть, что индивидуализм — главная предпосылка утверждения автономии отдельного человека — содержит в себе элементы, в конечном счете способствующие порабощению самого человека. О разрушительной силе индивидуализма еще в XIX в. писал русский философ В. Соловьев: «Чрезмерное развитие индивидуализма в современном Западе ведет к своему противоположному — к всеобщему обезличиванию... Крайняя напряженность личного сознания, не находя себе соответствующего предмета, переходит в пустой и мелкий эгоизм, который всех уравнивает» [7. С. 25]. Нельзя отрицать, что индивидуализм содержит возможность атомизации социальных связей, которая оставляет отдельно взятого человека один на один перед лицом всемогущего государства. В конечном счете индивидуализм в либертариистском понимании оказывается столь же ущербным для свободы личности, как и тоталитаризм.

С учетом этих тенденций и процессов можно утверждать, что одной из главных проблем человека становится сам человек. Советский философ М. Е. Мамардашвили говорил об «антропологической катастрофе» как важнейшей проблеме современного мира. К этому следует добавить, что в результате этой катастрофы человек, предоставленный самому себе, стал угрозой и себе, и обществу в целом. Основополагающая идея прав и свобод человека, доведенная до абсолюта, мутирует в весьма опасный вирус нестабильности и хаоса в мировом масштабе.

В заключение нельзя не затронуть еще один аспект рассматриваемой темы. До сих пор философы объясняли мир таким, каков он есть; задача состоит в том, чтобы изменить его. Как ни парадоксально, но именно этот знаменитый тезис К. Маркса взят на вооружение современными либеральными и либертариистскими рыночными фундаменталистами. Они предлагают принимать мировые реалии не такими, какие они есть на самом деле, а какими они должны быть, т. е. отказаться от мира реального и принимать виртуальный, идеальный мир, сформулированный в кабинетах разного рода мечтателей западных стран, поставивших своей целью теми или иными рецептами осчастливить человечество.

Предпринимаются попытки утвердить по аналогии с известной марксистско-ленинской формулой «марксистское учение всемогуще, потому что оно верно» максимум: «западные ценности абсолютно верны, потому что их носители всемогущи». Таким образом, реалии современного мира пытаются трактовать в духе дихотомической формулы «или—или», где по одну сторону баррикад стоят носители единственно верных, так называемых *универсальных* ценностей, а по другую — народы и культуры, которые придерживаются иных, неверных или злобредных, с точки зрения приверженцев этого нового учения, принципов и представлений. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что спустя неделю после теракта 11 сентября 2001 г. в Вашингтоне и Нью-Йорке тогдашний

президент США Дж. Буш-мл. заявил мировому сообществу: «Либо вы на нашей стороне, либо на стороне террористов». В результате круг идей и ценностей в такой черно-белой трактовке стал основой новой версии секулярного фундаментализма. Эти идеи и ценности, выдаваемые за универсальные, стремятся распространить по всему миру любыми средствами, включая, когда необходимо, и вооруженную силу. В сущности все, что не вкладывается в рамки весьма узко понимаемой западной либеральной парадигмы, объявляется чуть ли не мракобесием, фанатизмом, реликтами ушедших миров и т. д.

Неоталитарные ценности и установки предполагается насаждать именем защиты прав и свобод человека, демократизации остального мира под знаменем троцкистской по сути идеи экспорта демократической революции.

Пришла пора, кажется, взывать к тени А. Герцена, который в свое время провозгласил «борьбу свободного человека с освободителями человечества».

Литература

1. **Арендт Х.** Истоки тоталитаризма. М. : Центрком, 1996.
2. **Вашкова Л.** Чешский президент сравнил социальную службу Норвегии с нацистской организацией. — <http://www.radio.cz/ru/rubrika/novosti/cheshskij-prezident-sravnil-socialnuyu-sluzhbu-norvegii-s-nacistskoj-organizaciej> (дата обращения: 04.06.2016).
3. **Карпов А.** Базисные культурно-социальные процессы современности. Неогуманизм. — http://ruskline.ru/analitika/2013/03/12/bazisnye_kulturnosocialnye_processy_sovremennosti (дата обращения: 04.06.2016).
4. **Маслов О. Ю.** Мировой кризис в свете феноменов новой реальности и глобальные противоречия, требующие разрешения. — <http://www.polit.nnov.ru/2008/04/21/newrealgate/> (дата обращения: 04.06.2016).
5. **Николаев В. В.** Леди Диана как зеркало нашего века // Русский дом. 1998. № 1. — <http://www.russdom.ru/oldsayte/1998/19980106.html>
6. **Петров Л.** Грядущие перспективы // Независимая газета. 2006. 12.01.
7. **Соловьев В.** Три силы // **Соловьев В.** Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1.
8. **Уолцер М.** Компания критиков. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.
9. **Хайдеггер М.** Время и бытие. М. : Республика, 1997.
10. **Шелер М.** Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1996.
11. **Crowley H.** Promise of American life. N. Y., 1909.
12. **Zakaria F.** The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. N. Y. ; L. : W.W. Norton & Co., 2003. ◆